

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

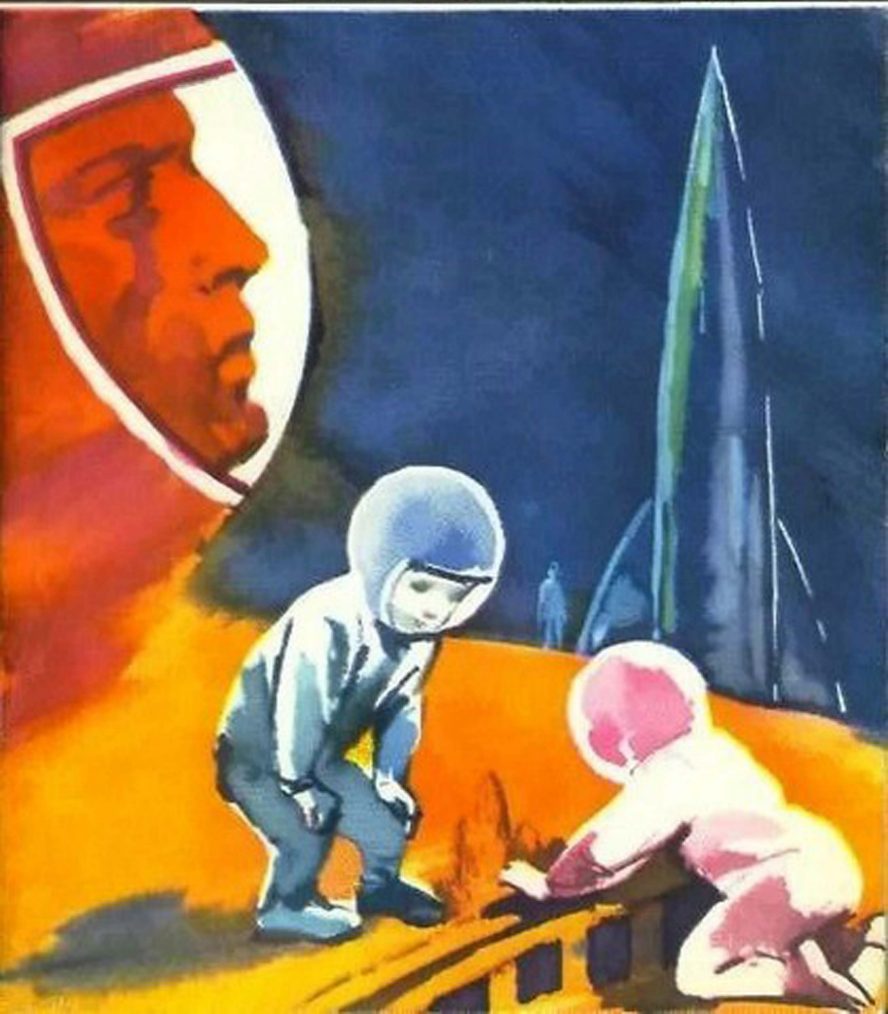
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

5

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1976

Владимир МАЛОВ

РЕЙС «НАДЕЖДЫ»

Фантастический рассказ

1

Сначала несколько быстрых круговых витков; с чьей-то легкой руки пилоты всего космофлота уже лет пятьдесят называют их «примерочными». Затем — плавное торможение и длинный спуск по пологой кривой. Посадочные двигатели гасят скорость, когда поверхность планеты оказывается уже прямо перед космокатером, и сам момент посадки совершенно неощутим. Но сразу смолкает тяжелый грохот, в кабине наступает удивительная, невероятная тишина, и вот тогда можно подняться с кресла, чтобы раздвинуть жалюзи, закрывающие иллюминаторы, и взглянуть, каков этот новый, очередной мир.

В этот раз «Надежда» стояла в центре бледного песчаного круга, ограниченного близким горизонтом, на котором то и дело сверкали молнии. С запада на восток быстро двигались низкие темно-серые тучи, вспыхивающие пульси-

рующим светом, и поэтому все вокруг было похоже на какую-то призрачную, невероятную декорацию к странному фантастическому спектаклю. Бледный песок, казалось, был тоже наэлектризован. Впрочем, во всех лощинах планета так и называлась — Электра...

Несколько минут после посадки Андрей скептически разглядывал окружающий ландшафт, потом тяжело вздохнул и недовольно пробормотал:

— Вот так всегда! Если есть где-нибудь планета, похожая на ад, на какое-нибудь болото или на динамо-машину, значит, она дожидается именно нас! А все другие совершают посадки в прекрасных мирах, наполненных светом и радостью, и корабли их стоят под сенью деревьев или на берегах чудесных озер...

Командир «Надежды» усмехнулся и отозвался:

— Ты поторапливайся! Хорошо бы все сделать побыстрее.

— И что самое интересное, здесь, на Электре, я был уже дважды, — заключил Андрей и стал надевать скафандр. — Семь лет назад здесь останавливалась Двадцать третья, три года назад — Двадцать шестая.

— А я был здесь уже трижды, — ответил Олег. — Теперь могу ходить по Электре с завязанными глазами.

— Ну, это здесь совсем нетрудно, — ответил Андрей как только мог серьезнее. — Здесь же ничего нет! Куда ни пойдешь, везде один и тот же наэлектризованный песок.

Он опустил на лицо прозрачное забрало шлема. За толстым стеклом губы его продолжали шевелиться. Олег повернул рычажок на пульте управления, и голос Андрея раздался из динамика:

— ...вот если бы я был электрическим скатом...

— То вместо тебя здесь был бы кто-нибудь другой, — ответил командир. — Не теряй времени.

— А я его не теряю, — с достоинством произнес динамик. — Я надел скафандр за минуту. А рекорд космофлота, знаешь сам, сорок девять секунд. Ну, я пошел!

Тяжело ступая в скафандре, второй пилот неуклюже прошел по кабине и скрылся в проеме люка. Несколько мгновений спустя Олег увидел на экране наружного обзора, как распахнулись створки большого грузового люка, и на поверхность Электры выкатился вездеход, похожий на жука. Под гусеницами машины сразу же стали хлопать длинные голубые искры: песок и в самом деле был наэлектризован. Потом вездеход стал виден и в иллюминатор — он быстро двинулся на запад.

Олег встал и секунду постоял над креслом спящего Димки. У мальчугана был приоткрыт рот, светлые пряди волос разметались по лбу, сон был, видимо, беспокойным, потому что Димка шевелился и вздрагивал. Олег поправил ему волосы и быстро пошел в топливный отсеk готовить резервуар к приему горючего. Андрей должен был сделать все часа за два. Значит, через два с половиной, максимум через три часа космокатер мог продолжать путь. «Надеж-

да» взлетит, и Димка, если не проснется, даже не заметит, что несколько часов провел на Электре.

Командир подошел к топливному отсеку, перешагнул порог и закрыл за собой дверь. Пока он, конечно, еще не знал, что «Надежда» проведет здесь, на Электре, не два часа, а чуть ли не целые сутки и что это время вместит в себя очень много событий.

2

Андрей еще раз объехал вокруг чужого корабля.

Он был теперь совершенно спокоен, кровь в висках перестала стучать. Ничего невозможного, в общем-то, не произошло, когда-нибудь это должно было случиться неминуемо, удивительным было лишь то, что этот шанс выпал не кому-то другому, а именно ему.

Сбросив скорость вездехода почти до нуля, он включил камеру видеозаписи. Позже все это должны увидеть миллиарды людей: однообразный ландшафт, состоящий лишь из бледного, наэлектризованного песка, пульсирующие призрачным светом темно-серые тучи и глубоко увязшую в этом песке громаду чужого корабля. Позже заснятая им лента станет драгоценнейшей исторической реликвией. Но все это будет позже. А теперь...

— Андрюша, — сказал с экрана командир «Надежды», — все-таки держись от него подальше.

— Я от него далеко, — ответил Андрей и осторожно, всего лишь на несколько миллиметров, подвинул штурвал вправо.

Медленно начиная третий круг, вездеход подошел к кораблю еще ближе; теперь Андрея отделяла от него лишь какая-то сотня метров. Камера видеозаписи гудела негромко и ровно, жужжание ее действовало успокаивающе, и, может быть, поэтому все, что происходило, казалось теперь очень обыденным и реальным. И столь же обыденным, реальным был застывший в неподвижности и молчании чужой корабль.

Размером — вчетверо-впятеро больше «Надежды». Цвет — зеркально-черный, в гладких поверхностях отражаются вспышки молний и пульсирующий свет наэлектризованных туч. И какая-то несусветная, непривычная форма — длинный цилиндр со множеством выступающих на нем безо всякого видимого порядка самых разнообразных объемных фигур. Нет строгости линий, нет, по сути дела, даже определенного силуэта. И все-таки этого не отнимешь: в облике корабля угадывалась необыкновенная мощь, казалось, что он опустился здесь лишь на мгновение, перед новым дальним броском во Вселенную.

Мельком взглянув на экран связи с космокатером — лицо Олега было сосредоточенным, напряженным, — Андрей еще немного подвинул штурвал вправо. Теперь расстояние между вездеходом и кораблем сократилось до восьмидесяти метров. Брови командира сдвинулись, но он ничего не ска-

зал. В этот момент камера, отсняв первый ролик, смолкла, и в наступившей тишине Андрей вдруг впервые ясно почувствовал, что за ним неотрывно следит чей-то цепкий, внимательный взгляд.

Он покрутил головой. Ощущение было не слишком приятным. Чтобы избавиться от него, Андрей немного увеличил скорость, словно это могло помочь. Но сейчас же снова раздалось негромкое жужжание камеры, и тогда это ощущение исчезло. Теперь Андрей был совершенно спокоен. Пожалуй, он был теперь более спокоен, чем даже два часа назад, когда отправился от места посадки «Надежды» на автоматическую заправочную базу, существовавшую на Электре с незапамятных времен, за контейнером с горючим, — когда еще нельзя было даже представить, что впереди его ждет вот это.

ПОЧЕМУ, ОДНАКО, ОНИ НИЧЕМ НЕ ПОКАЖУТ, ЧТО ВЕЗДЕХОД, КРУЖАЩИЙ ВОКРУГ КОРАБЛЯ, ЗАМЕЧЕН ИМИ? И КАК ПРОИЗОЙДЕТ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА — ТОТ МОМЕНТ, КОТОРЫЙ СТОЛЬ ЧАСТО ПРОБОВАЛИ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ — ПО-РАЗНОМУ — МНОГИЕ И МНОГИЕ ЛЮДИ? И КАКИЕ ОНИ — КАК ВЫГЛЯДЯТ БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ, ВПЕРВЫЕ ВСТРЕЧЕННЫЕ ЛЮДЬМИ ЗА ТРИ С ЛИШНИМ ВЕКА МЕЖЗВЕЗДНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ?

Андрей усмехнулся. Кажется, помимо спокойствия, к нему вернулось теперь и то философское настроение, вдруг напавшее на него, когда он отправился за горючим. Тогда он вел вездеход по идеальной прямой — на Электре не надо было маневрировать, объезжать препятствия, песок под гусеницами был ровным и плотным — и думал о том, что далеко не часто человеку удается воспользоваться кратчайшим путем к достижению цели, о том, что всегда находится какое-то неожиданное препятствие, преграда и приходится поворачивать, а то и возвращаться назад. Теперь же, когда он все снова и снова разглядывал чужой корабль, в голову ему пришло, что ничего этого не должно было происходить: он не должен был сейчас находиться на Электре. Посадка здесь была вынужденной, незапланированной. Три недели назад космонавтеру пришлось изменить на время курс, чтобы по просьбе командира исследовательской станции «Прометей» в системе звезды 19 НГ взять на борт и доставить на Землю четырехлетнего Димку, любимца всей станции, сына супружеской четы Тихончук, работавшей на «Прометее» уже шестой год; мальчику пора было начинать занятия в школе начального цикла. После этого космонавтер повернул к Электре — надо было пополнить запас горючего. Здесь они могли оставаться не больше двадцати четырех земных часов; они спешили, потому что «Надежда» доставляла на Землю очередные материалы, собранные Двадцать девятой комплексной экспедицией, корабли которой все дальше уходили в космос и которая была рассчитана на несколько веков. Так, значит, не будь этой вынужденной посадки... Но она была, и был тот первый момент, когда Андрей, уже возвращавшийся с базы

к «Надежде», понял, что странное сооружение, замеченное им на горизонте Электры, — чужой звездолет. Оно не могло быть ничем иным: в пустыне Электры людьми была построена лишь одна-единственная автоматическая заправочная база, ничего другого. И вот тогда он ощутил эту невероятную и необыкновенную гамму чувств — безумную радость, сомнение, смятение, нерешительность, ожидание, нетерпение, — которую сменило обычное спокойствие, хладнокровный и точный анализ обстановки. И, видимо, такую же гамму чувств пережил оставшийся на «Надежде» командир космокатера Олег.

Сосредоточенное, строгое лицо командира смотрело на Андрея с экрана. На заднем плане можно было увидеть дальний угол кабины, в котором продолжал безмятежно спать в своем кресле Димка, даже не заметивший, что сверхсветовое путешествие в космосе на время прервалось. И, взглянув на командира, Андрей снова подвинул штурвал вправо.

ЧТО ОНИ ДЕЛАЮТ НА ЭЛЕКТРЕ? ОТКУДА ПРИЛЕТЕЛИ И КУДА НАПРАВЛЯЮТСЯ?

Вездеход, начиная четвертый круг, подошел к звездолету еще на несколько метров. Камера видеозаписи продолжала негромко жужжать.

— Ближе к нему не подходи, — сказал с экрана Олег.

3

Андрей занес в бортовой журнал космокатера очередную запись, поставил точку и покачал головой. Потом он перечитал все сначала, и тут ему даже стало весело. Запись была сделана именно так, как этого требовал устав космослужбы: несколько сухих, безликих строчек, излагавших в протокольной форме только самую суть. Интересно, как бы об этом сказал писатель? Или поэт? Представив это, Андрей повторил последние фразы записи вслух:

— «...экипаж обнаруженного корабля ничем не показал, что вездеход им замечен. Вездеход вернулся на космокатер. На борт принят контейнер с горючим с автоматической заправочной базы. Вслед за этим экипаж приступил к подготовке информационной передачи для экипажа обнаруженного корабля».

Усмехнувшись, Андрей оторвался от журнала.

— Командир! — сказал он. — Все-таки у нас с тобой удивительная профессия!..

Склонившийся над полками стеллажа с видеотекой, Олег не ответил. Он перечитывал надписи на серебристых корешках кассет с записями и становился все мрачнее.

— Впервые произошло то, о чем люди мечтали, может быть, тысячи лет. И что же? Мы оба спокойны и сдержанны, будто бы так и надо. Спокойно готовим для них фильм. Потом его покажем и спокойно подумаем, что делать дальше. И оба вдобавок не забываем, — Андрей

взглянул на хронометр, — что можем оставаться на Электре максимум еще двадцать один час. Иначе опоздание в солнечную систему на целый год.

— Димку разбудишь, — хмуро отозвался Олег.

— А Димка вдобавок ко всему продолжает спокойно спать! — подхватил Андрей. — Ему дела нет до инопланетян!

Олег вздохнул, достал из гнезда кассету, но, повертев ее в руках, поставил на место. Видеотека «Надежды» была, в общем-то, неплоха — она вполне могла скрасить досуг двух пилотов, совершавших курьерские рейсы между солнечной системой и флагманом Двадцать девятой экспедиции, — но теперь казалась на удивление скудной. Вот кассета с инсценировкой нового романа Саймона Флегга... несколько научно-популярных кассет, в том числе изложение новейших космогонических теорий... запись из концертного зала... пособие по тренировке футболиста, неизвестно для чего нужное на борту космокатера... еще ряд романов... Что можно сделать со всеми этими записями сейчас, когда нужно что-то совсем другое, причем неясно, что именно!.. Впрочем, вот инсценировка романа, где множество пейзажных сцен, виды некоторых больших городов Земли, в которых разворачивается действие. Можно использовать и научно-популярную запись о последних археологических находках на Земле, содержащую, к счастью, множество исторических ретроспектив.

Командир «Надежды» еще раз вздохнул и извлек кассеты из гнезд. Андрей, прочитавший названия на корешках, кивнул и пробормотал:

— Если только внутри этого корабля действительно кто-нибудь есть... Впрочем, ощущениям я доверяю. А они мне подсказывают, что вздоход был замечен...

— Это тоже занеси в журнал! — сказал командир.

Сняв с кассет прозрачные крышки, Олег пинцетом извлек на свет маленькие рулончики тончайшей проволоки. Теперь их надо пропустить через синтезатор, выбрать куски, подходящие для передачи, смонтировать их в единое целое, чтобы потом... Вот подходящий кусок — ослепительно яркое солнце в голубом небе. Потом надо дать карту Галактики и стрелкой указать на ней Солнце. Карту выбрать нетрудно, лоции на борту «Надежды» превосходны.

На крошечном экране синтезатора записи проецировались со скоростью, вчетверо большей нормальной. Просматривая очередной эпизод, Олег понял: начинать надо с кадров, снятых камерой вздохода, с показа их корабля. Затем показать земной вздоход, потом как-то перейти к информации о планете Земля, о солнечной системе, о человечестве. Что дальше?.. Отныне, подумал Олег, надо обязать экипажи всех кораблей космофлота брать с собой в рейсы фильмы с подробной информацией о Земле, специально рассчитанные на то, чтобы демонстрировать их инопланетянам. Уже сколько веков существует специально разработанная на случай встречи с ними Программа, ни разу еще не испытывавшаяся на практике. Но Программа рассчитана лишь

на непосредственную встречу, лицом к лицу — оказывается, надо было предусмотреть и другое...

Вот великолепный, отличный кусок — из научно-популярной ленты по археологии. Наглядная, хорошо нарисованная демонстрация того, как, где появился на Земле человек. Показана его эволюция — вот даже современный человек изображен в скафандре космонавта. Черты лица под прозрачным забралом шлема почему-то напоминают лицо второго пилота.

На мгновение Олег оторвался от работы, непроизвольно взглянув на товарища. Добавив к записи в журнале еще несколько слов, Андрей убрал его в стол и теперь тихо стоял над креслом спящего Димки.

Закончить передачу, пожалуй, лучше всего вновь космонавтами — стрелками показать направление оживленных космических трасс, отметить системы, освоенные людьми. И вот еще одна хорошая мысль: показать в конце передачи палеонтологические находки Двадцать девятой экспедиции, также заснятые на проволоку.

Движения Олега были быстры и точны. Синтезатор негромко гудел. Верхние плафоны освещали кабину ровным привычным светом, иллюминаторы были закрыты стальными жалюзи. Из соседнего отсека в кабину стали проникать ароматы готовящейся пищи: заработала автоматическая кухня, напоминая, что близится обеденный час.

— Ты, Андрюша, пожалуй, прав, — улыбувшись, проговорил командир и вставил в синтезатор еще один кусок проволоки. — Профессия у нас действительно удивительная.

Вот теперь, кажется, все, ничего не пропущено. Он откинулся на спинку кресла. Синтезатор теперь гудел по-иному, проволока быстро перематывалась. Потом синтезатор смолк, и в кабине наступила полная тишина.

Телепередатчики космокатора не очень мощны, но передача будет направленной; там, на чужом корабле, ее не могут не принять. Передача будет немой, но изображение скажет само за себя...

Некоторое время Олег не двигался. Наконец он выпрямился и повернулся к пульту управления. Экран монитора осветился — там должна была дублироваться передача. Еще через несколько секунд на экране пошли кадры удивительного фильма.

Сначала — громада чужого корабля. Потом — изображение вездехода, идущего по бледному, наэлектризованному песку. Потом космокатор и — крупным планом — его кабина с креслами, пультом управления, большим космоатласом, лежащим на столе. Изображение космоатласа увеличилось, на экране крупно замелькали его листы, и наконец на одном из листов стрелка указала на крошечную точку, на Солнце. Тут же на экране монитора вспыхнул ослепительный кадр Солнца в голубом небе. Потом карта со стрелкой повторилась еще раз. Следующей была карта солнечной системы; третья от Солнца планета — Земля. На мониторе пошли кадры, снятые в больших городах

Земли: люди на улицах, громадные здания, разнообразные машины в воздухе и на улицах. В инсценировке романа был даже эпизод со стартом космического корабля — он появился на экране вслед за городскими картинками. Крупным планом было показано лицо героя в скафандре, смотрящего в небо за несколько минут до старта. Потом — ослепительная вспышка, столб пламени, корабль, уходящий в зенит. Эпизод был снят, пожалуй, излишне театрально, но сейчас, может быть, требовалось именно это. Затем на экране появился рисунок-схема: материка Земли с отмеченными местами антропологических находок, позволяющих установить, где именно зародилась на планете разумная жизнь. А вот рисунок-схема эволюции человека, потом — изображения представителей различных эпох; последний в длинном ряду людей, одетых в римские тоги, рыцарские доспехи, камзолы восемнадцатого века, пиджаки двадцатого, человек в скафандре. Дальше — опять космокарты со схемами широко освоенных маршрутов. Пунктиром уходила от солнечной системы трасса Двадцать девятой экспедиции. Промелькнули кадры, снятые на третьей планете системы 71 ЕК, — зеленоватый песок, заложенные в нем глубокие раскопы, на дне которых были найдены кости каких-то неведомых существ, населявших планету в незапамятные времена. Невозможно представить, как они выглядели, — кости перемешаны в ужасающем беспорядке. Были ли эти существа разумны? Люди осваивали все новые и новые системы, и настойчиво искали себе подобных, и не могли найти. И наконец на мониторе пошли последние кадры фильма: вновь космокатер «Надежда», выезжающий из грузового люка вездеход, и снова чужой корабль, вокруг которого вездеход объехал несколько раз...

Экран погас.

Не двигаясь, Олег все еще смотрел на него. Передачу теперь надо повторить еще раз, а потом, может быть, еще — до тех пор, пока не придет ответ. Придет ли?

Он протянул руку к тумблеру, но рука остановилась на полпути. Ослепительно вспыхнул приемный экран, экран наружного обзора, и на нем появилась пестрая картина, состоящая из множества разноцветных пятен, перемешанных в немыслимом сочетании.

Командир и второй пилот застыли, до боли в глазах глядясь в экран.

Это были они, ответная передача, это, по всей вероятности были позывные, знак внимания, за которым вот сейчас следует изображение.

Но на экране все еще продолжалась немыслимая цветочная круговерть. Пятна стремительно менялись местами друг с другом, увеличивались и уменьшались в размерах, вспыхивали и гасли, сталкивались, чтобы разбиться искрами и разлететься в разные стороны.

Экран погас, и Олег растерянно посмотрел на Андрея. Догадка, невероятная догадка, уже была где-то совсем рядом, но он не хотел, не мог принимать ее. Экран вспыхнул снова, и все начало повторяться сначала.

— Этого мы, конечно, не могли предусмотреть, — мрачно сказал Андрей. — Их способ зрительного восприятия мира в корне отличен от нашего. Они видят совсем не то, что мы, а лишь эти цветные пятна. Может быть, их зрение имеет электромагнитную основу — мир воспринимается не в виде очертаний, а в виде импульсов. А может, дело здесь в чем-то таком, что мы даже не можем представить. Наша передача, наверное, тоже была для них лишь каким-то беспорядочным хаосом.

— Но они приняли ее и ответили!

Андрей раздраженно махнул рукой.

— С помощью изображений нам друг друга не понять!

Сзади в кресле вдруг проснулся Димка. Он протер кулаками глаза и сразу же посмотрел на экран, на котором снова вспыхнула цветная круговерть.

— Что это такое, дядя Олег? Как красиво!..

4

Там, где только что была зеркально-черная поверхность, возник овальный проем. Превращение произошло молниеносно, глаз не успел за ним уследить. За проемом зияла сплошная чернильная мгла; она была словно бы отделена от наружного пульсирующего света Электры невидимой, но вполне определенной границей. Потом в черной глубине проема стало что-то происходить — пока еще неясно, что именно, — действие не было видно глазу, оно скорее чувствовалось, угадывалось.

Быстро взглянув на командира, Андрей понял его без слов. Он надавил педаль, и вездеход, окутавшись ворохом голубых искр, медленно, очень медленно пополз к чужому кораблю.

Теперь уже было видно, что густой, плотный мрак понемногу рассеивается. В нем появился сначала серый оттенок, который постепенно становился голубым. Стиралась невидимая граница — в глубь проема начинал проникать призрачный свет Электры. Все эти перемены, впрочем, происходили крайне медленно и словно бы нехотя.

Андрей остановил вездеход в пятидесяти метрах от чужого корабля. Хлопанье искр под гусеницами прекратилось, и в наступившей тишине был слышен лишь мерный рокот камеры видеозаписи.

Овальный проем на поверхности корабля вдруг резко осветился, словно внутри включились мощные прожекторы. Теперь можно было рассмотреть совершенно отчетливо: там, за проемом, — прямоугольное помещение с голубыми стенами. Помещение было совершенно пустым; секунду спустя, однако, оно вновь начало завлакиваться неясной дымкой, теперь бледно-розовой.

Андрей вполголоса пробормотал:

— Если они состоят из газа, я ничуть не удивлюсь! Я теперь готов ко всему... Вернее, ни к чему не готов...

Олег нетерпеливо распорядился:

— Подведи еще ближе!

Вездеход сдвинулся с места едва заметно. Со стороны, наверно, могло показаться, что он все еще продолжает оставаться в неподвижности, но он медленно, со скоростью улитки, все ближе подползал к кораблю. В проеме густела розовая мгла. Невозможно было представить, что произойдет в следующее мгновение.

В следующее мгновение розовая мгла, уже полностью заполнившая проем, выползла из корабля наружу. Граница между ней и светом Электры размылась. Розовое облако медленно двинулось навстречу вездеходу, и Андрей тут же затормозил. Двигаясь вперед, облако вытягивалось в ширину и принимало странные, удивительные очертания, рисунок которых быстро менялся. Наконец, внутри облака показались неясные колышущиеся тени, становившиеся все более и более определенными.

Это были фигуры людей в скафандрах.

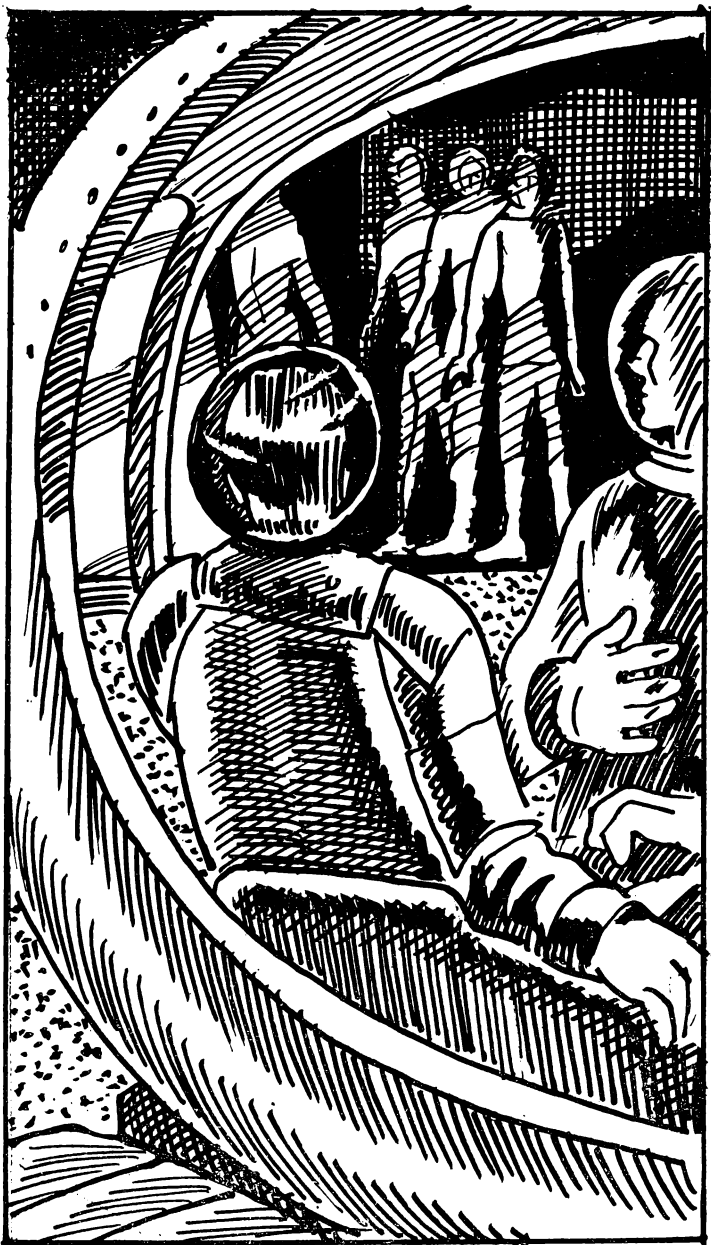
Губы командира «Надежды» неясно шевельнулись, как будто он хотел что-то сказать, но в последний момент раздумал. Он только произвольным движением протер стекло шлема и еще пристальнее стал смотреть вперед, в розовое облако перед вездеходом.

Теперь розовая мгла рассеивалась, и колебания фигур внутри ее — так колышутся отражения на поверхности воды, волнуемой ветром, — постепенно прекращались. Можно было понять, что эти фигуры — почти точные копии человеческих, сходны были даже конструкции скафандров. Впрочем, в розовой дымке еще неясны были очертания их лиц, скрытые прозрачными покровами шлемов.

Розовая мгла продолжала рассеиваться. Наконец она исчезла совсем, и тогда фигуры инопланетян в скафандрах ярко-оранжевого цвета полностью обрели реальность. Шеренга фигур — шесть высоких, одна маленькая — неподвижно застыла перед вездеходом. Теперь можно было увидеть и лица — они тоже были вполне земными, с правильными, строгими чертами — чертами, казавшимися, однако, неподвижными, застывшими в одном, постоянном выражении.

Олег протянул руку к большой красной кнопке на приборной панели. Когда он нажал на нее, бесшумно раздвинулся прозрачный купол вездехода. Еще секунду помедлив, Олег перепрыгнул через борт и по щиколотку увяз в бледном песке. С левой стороны вездехода на песок спрыгнул Андрей, и они медленно двинулись навстречу людям неизвестной планеты.

Электрические искры теперь хлопали под ботинками скафандров. И Олегу и Андрею это мешало сосредоточиться, подготовиться к тому главному, что должно было произойти в следующий момент, хотя бы просто представить, что может произойти. Шеренга инопланетян продолжала оставаться в полной неподвижности. Они смотрели на землян с каким-то равнодушным спокойствием, их лица были по-прежнему невозмутимы. Казалось, сами они не собирались предпринимать никаких действий, предоставляя инициативу землянам.

Несколько мгновений Олег и Андрей вглядывались в неподвижные лица. Потом неосознанно командир «Надежды» протянул к ним обе ладони — давний жест миролюбия, отсутствия враждебных намерений. Лица людей неизвестной планеты остались столь же невозмутимы, ни один не повторил жеста, не сделал никакого движения. Медленно опустив руки, Олег некоторое время тоже оставался в неподвижности. В уме он лихорадочно перебирал пункты Программы. Первым пунктом была попытка дать представление, что землянам доступны математические действия; для этого следовало провести наглядный урок сложения. И он наклонился, чтобы нарисовать на искрящемся песке первую наглядную формулу: одна вертикальная палочка и еще одна дают в сумме две, одна и две дают в сумме три. Он уже понимал с тоской, что делает что-то совсем не то, что нужно... И в этот момент в его глазах вспыхнул ослепительный свет, исчезло все вокруг, и вместо песчаного ландшафта, вместо чужого корабля и фигур инопланетян перед глазами возник тот же стремительный цветовой калейдоскоп, какой уже мелькал однажды на экране в кабине «Надежды».

Издали, словно бы из-под воды, в сознание командира пробился голос Андрея:

— Что за черт! Я ничего не вижу! Опять эта цветная мешанина! Ты что-нибудь видишь?!

Осторожно, боясь потерять равновесие, Олег поднялся. Ответить почему-то было очень трудно, цветовой калейдоскоп приковывал к себе все внимание, не давая отвлечься. Кажется, Андрей говорил что-то еще, но его слова звучали все тише, потом этот голос смолк, и в ушах командира раздались совсем другие звуки — удивительные и ни на что не похожие сочетания, звуки, мгновенно меняющие высоту тона, звучащие то одиночно, то какими-то невероятными, фантастическими аккордами. Теперь в мире не было уже ничего, кроме ослепительного цветового калейдоскопа и этой невероятной звуковой симфонии. Они завораживали, ослепляли, лишали воли, способности что-то предпринять. И за всем этим таился некий, вполне определенный смысл, загадав который можно было бы многое понять и узнать, но как уловить этот смысл, если все это совершенно несравнимо, неправдоподобно, не похоже ни на что виденное и слышанное когда-либо?..

Все прекратилось неожиданно. Цветовой узор исчез, и тут же смолкла звуковая симфония; перед глазами вновь был чужой корабль, бледный песок Электры, застывшая шеренга инопланетян. Машинальным движением Олег поднял руку, чтобы протереть глаза, но перчатки наткнулись на прозрачное забрало шлема. Тогда он просто встряхнул головой — не сразу можно было прийти в себя после увиденного и услышанного — и потом твердо стал смотреть в лица инопланетян.

Они были по-прежнему невозмутимы, столь же холодны,

как и до устроенного ими необыкновенного спектакля, они наблюдали, холодно ожидая, что будет дальше. И командир «Надежды», вновь склонившись над песком, стал продолжать свой урок математики, все с большей тоской понимая, что необходимо что-то совсем другое. Но что именно?..

Сначала сложение, потом вычитание, несколько простейших геометрических теорем. Потом можно будет оперировать все более сложными понятиями, и уже не только математическими, но и сравнительными категориями разумности, добра и зла. Так, по крайней мере, представлял себе первый разговор с людьми другого мира голландец Фрейденталь, ученый, еще в двадцатом веке предложивший первый проект космического «разговорника», который и лег впоследствии в основу Программы.

Их лица оставались бесстрастными. Медленно текли минуты. Было очень тихо, тишина нарушалась лишь потрескиванием искр. Рисуя на песке математические символы, Олег все время ощущал на себе неподвижные взгляды. Стену непонимания, стоящую между ним и этими существами, пришельцами, кто знает из каких глубин Вселенной, он ощущал теперь уже почти физически, мучительно; он не мог преодолеть ее, он чувствовал, как останавливается перед нею его мысль. Это ощущение своей беспомощности становилось все болезненнее, острее; и он вдруг понял, что неизменно устал, усталость навалилась, как многократная перегрузка, и даже в висках застучала кровь.

Олег встал. Сначала он продолжал смотреть на песок, боясь поднять взгляд, чтобы не встретить вновь это холодное, равнодушное, безразличное непонимание. Потом он все-таки оторвал взгляд от своих математических построений и посмотрел вперед, но уже никого не увидел.

Перед вездеходом вновь было розовое облако, в котором колыхались неясные тени. Облако сжималось, становилось гуще, и тени наконец исчезли в нем совсем, облако медленно поползло назад, к кораблю.

На блестящей поверхности звездолета вновь возник овальный проем, в который втягивалось облако, пока не исчезло совсем, и сейчас же проем исчез, не осталось никаких его следов, зеркальная поверхность была идеально ровной, словно отполированной.

Еще некоторое время земляне стояли молча. Потом Олег стер ботинком скафандра все свои математические записи.

— Я устал, — тяжело сказал он, глядя в сторону, — я неизменно устал.

— И я тоже, — отозвался Андрей, как эхо.

Медленно, к ногам словно были привязаны гири, они побрели назад, к вездеходу. Потом был долгий, бесконечный путь до «Надежды», во время которого ни один не проронил ни слова. А в кабине космокатера, устало поднявшись по трапу, Олег и Андрей увидели Димку, сидящего на полу и играющего разноцветными кубиками. Кубики были беспорядочно рассыпаны вокруг него — они были похожи на пестрый стремительный калейдоскоп, который не так давно стоял перед их глазами.

Стена, глухая стена непонимания... Андрей вновь ощутил ее почти физически. И, тяжело опустившись в кресло, он вдруг представил эту стену словно бы воочию.

...Стена была невидима, но вполне реальна — мощная, непреодолимая стена, останавливающая мысль, мешающая ей пробиться на другую сторону. Стена уходила высоко вверх, тянулась и влево и вправо. Из-за того, что она была невидима, невозможно было измерить ее ширину. Может быть, кое-где ширина ее была совсем ничтожной, вероятно, в стене были даже и бреши, и надо только уметь их найти. Но найти их можно только на ощупь, затратив на это годы.

А что же они, стоящие по другую сторону этой стены? Какой кажется стена им? Пытаются ли они преодолеть ее со своей стороны или тоже начинают понимать тщетность попыток? Осталась ли у них надежда, что это все-таки возможно?..

5

За два часа до истечения предельного срока, не позже которого космонавтеру следовало покинуть Электру, у Олега и Андрея надежды почти не осталось. Еще раз телекамера передала смонтированный Олегом фильм о Земле, на который был получен ответ — все тот же непонятный цветовой калейдоскоп. Потом, надеясь на то, что люди звездолета сумеют, быть может, расшифровать земной язык, понять его строй, сумеют ответить, командир «Надежды» долго повторял по радио один и тот же текст: краткое сообщение о Земле, землянах, о Двадцать девятой экспедиции, о маршруте «Надежды». Ответа на это — по крайней мере, такого, какого они ждали, — не последовало. Впрочем, экипаж звездолета тоже со своей стороны предпринимал попытки преодолеть стену непонимания. Еще дважды на экране наружного обзора вспыхивала фантастическая цветочная круговерть, и было еще несколько страшных явлений. В какой-то момент Олег и Андрей вновь потеряли зрение, но вместо цветных пятен перед глазами была теперь абсолютная, непроглядная мгла. Потом некоторое время спустя вдруг вышли из строя все приборы «Надежды» и начали показывать что-то несуразное, невозможное. Затем приборы успокоились, и все вернулось на свои места. И наконец на экране уже с какой-то отчаянностью еще раз появились цветочные узоры, их неопишуемая карусель продолжалась теперь гораздо дольше, чем прежде; и снова пристально, до боли в глазах вглядываясь в экран, Олег чувствовал, что стена непонимания становится все непрístupнее.

Вновь, как и в предыдущих случаях, электронный мозг космонавтера, проанализировав этот пестрый узор, дал ответ: никакой системы в изображении нет, уловить какую-то последовательность, смысл цветоряда невозможно, определению, толкованию он не поддается. Электронный мозг, безукоризненный, стремительный, лишенный человеческих эмоций и несовершенств, был, разумеется, прав. Он был

прав и тогда, когда анализировал цветовой калейдоскоп, и теперь, когда оценил по приказанию Олега уже всю информацию о попытках установить с инопланетянами контакт и о них самих. Электронный мозг не нашел ни малейшей возможности для этого, не смог дать ни одной рекомендации для дальнейших действий. И теперь, собственно говоря, оставалось только одно: «Надежда», пополнив запас горючего, была готова к старту. Она доставит на Землю не только очередные материалы Двадцать девятой экспедиции, но и бесценную информацию о первой встрече человека с чужим разумом, доставит несколько рулонов проволоки с изображением чужого корабля, неизвестно зачем оказавшегося на Электре, с изображением их самих... но и только.

— Ну, вот и все! — тяжело сказал Олег, обращаясь скорее к себе самому. — Можем упаковывать вещи.

Но Андрей, не отрываясь, смотрел в этот момент на экран наружного обзора.

В левом углу экрана, на самом горизонте Электры, вдруг появилась знакомая розовая дымка. Она приближалась к космонавтеру стремительно, со скоростью, в несколько раз превышающей скорость вездехода. Когда до «Надежды» осталось около полусотни метров, плотное розовое облако опустилось и, коснувшись песка, вытянулось в ширину. Остановившись на месте, оно изменило цвет — теперь облако было ярко-красным. Спустя несколько мгновений окраска опять изменилась — теперь она была фиолетовой. Потом облако стало голубым, зеленым и наконец вновь ярко-красным.

Казалось, оно словно бы приглашало выйти на поверхность Электры.

Ну что же, хоть это, по крайней мере, мы поняли, подумал Олег, тяжело поднимаясь из-за пульты. А если поняли это, может быть, сейчас начнем понимать и другое. Улетать, возможно, и в самом деле еще рано, есть еще полтора часа, целая вечность, за которую, если они, обитатели чужого корабля, нашли все-таки со своей стороны способ преодолеть стену, можно успеть многое. И, возможно, именно эти полтора часа войдут в историю как первые полтора часа ОБЩЕНИЯ с себе подобными, первые часы ПОНИМАНИЯ. Но столь же возможно, что с их стороны этот ответный визит — лишь жест отчаяния, признание того, что они тоже не в состоянии найти верный путь, который связал бы людей разных миров. И вот что еще интересно, подумал Олег, случилось ли им в их космических странствиях встречаться с другими разумными, умели ли они установить с ними связь или все попытки кончались столь же неудачно? Или, быть может, для них это тоже первая встреча и, значит, первый горький урок?..

Усталость, тяжесть — только это ощущал командир «Надежды», надевая скафандр. Готовясь к выходу на поверхность, они обменивались лишь краткими, незначительными фразами, и фразы эти совсем не относились к предстоящей сейчас еще одной встрече с существами другого

мира. И в голове Олега молнией пронеслась еще одна мысль: неудачи всегда кажутся более реальными, чем успех; в любой победе есть что-то неожиданное, праздничное, тогда как поражение всегда выглядит обычной, будничной вещью...

Он опустил прозрачное забрало шлема и вопросительно посмотрел на Андрея. Второй пилот «Надежды» тоже был готов. Олег сделал шаг к шлюзовому отсеку — вот так всегда: в скафандре кажешься себе удивительно неповоротливым, неуклюжим, и, странное ощущение, неповоротливы не только руки и ноги, но и мысли, замедленной и тяжелой кажется реакция на все окружающее, — и тогда он увидел в проеме люка маленькую фигурку Димки. Мальчик тоже был одет в свой собственный, специально сделанный для него Андреем скафандр.

Он умоляюще попросил:

— Дядя Олег, я хочу с вами! Возьмите меня с собой!

Олег поколебался. Брать мальчугана с собой, конечно, не следовало. Не потому, что могла грозить какая-то опасность — в это нельзя было поверить с самого начала, и тем более невозможным это казалось теперь, — просто незачем было ему выходить на поверхность. Счастлив мальчик, подумал Олег, ему дела нет до стены, стоящей между нами, все происходящее здесь может интересовать его только с внешней стороны, суть ему не понять... пока. Пока? Зато потом, когда мальчик вырастет, он будет знать: он был одним из первых людей, встретивших в космосе людей не с Земли, он был рядом с ними, в двух шагах от них, пусть и не удалось найти в тот раз путь понимания...

— Пойдем, Димка, — сказал Олег и проверил, как мальчик укрепил шлем. Взяв его за плечо, он вошел в шлюзовую отсек, и за ними закрылся люк.

Ступая по длинным голубым искрам, трое землян — двое больших, один маленький — медленно двинулись к ярко-красному облаку. Они шли молча, хотя Олег ждал, что сейчас Димка будет задавать вопросы — такие вопросы, какие может задавать четырехлетний мальчик, сталкиваясь с чем-нибудь таким, чего он еще не знает, много вопросов, — но Димка молчал. Подойдя к неподвижному и все еще густому облаку вплотную, Олег остановился и снял руку с плеча мальчугана.

Превращения облака были те же самые, что и в прошлый раз. Сначала облако вновь изменило цвет, став розовым. Потом оно заколыхалось, меняя форму и постепенно обретая прозрачность. Внутри его появились неясные, колышущиеся тени, становившиеся все более определенными: тени людей в оранжевых скафандрах. И вновь все было как прежде: эти превращения завораживали, лишали воли, не давали ни о чем думать, и оставалось лишь следить за ними — почти автоматически, — ожидая, что произойдет дальше.

Машинально, не придавая этому значения, Олег и Андрей отметили, что в какой-то момент розовое облако раз-

делилось: крохотный клочок его с чем-то неясным внутри поплыл в сторону, вправо. Но фигуры внутри большого облака уже обретали реальность.

Бесстрастные, невозмутимые, неподвижные лица. Но, всмотревшись, Олег вдруг обнаружил в них ожидание: они ждали от землян чего-то... чего? И раз они ждали, значит, сами действительно не могли больше ничего сделать. И тут же он, со всей остротой этой мысли, понял — это прощание. Они прилетели к «Надежде» только для того, чтобы в последний раз взглянуть на них, уже понимая, что общение не может быть установлено.

Грустное прощание!

Медленно протекли несколько долгих минут. Потом на один короткий момент в глазах землян опять появились знакомые цветные пятна, но они сейчас же исчезли, и фигуры людей со звездолета начала заволакивать розовая мгла. Мгла густела, и земляне как замороженные наблюдали за превращениями, происходящими теперь в обратном порядке. Откуда-то справа, из-за границ поля зрения, выплыло маленькое облачко и слилось с большим, уже настолько густым, что вместо фигур в скафандрах в нем были видны лишь неясные тени. Потом тени окончательно скрылись, и облако начало менять очертания. Оно словно набиралось силы перед тем, как подняться и полететь над пустыней Электры. И вот оно оторвалось от песка и превратилось в шар, а командир «Надежды» и второй пилот все еще стояли на месте, не произнося ни слова и зачарованно глядя вперед.

Все дальше и дальше. Лиловые молнии горизонта освещают облако призрачным, бледным светом; еще миг, и оно пересечет горизонт Электры, скроется навсегда. Миг проходит, и облака больше нет, трудно поверить в то, что совсем недавно, вот только сейчас, Олег и Андрей стояли лицом к лицу с людьми другого мира. Стояли, разделенные все той же невидимой стеной, в которой и на этот раз ни с той, ни с другой стороны не нашлось ни единой бреши...

Еще некоторое время они молча смотрели на пылающие на горизонте молнии и наконец повернулись и все так же молча и медленно — под ногами, мешая идти, хлопали длинные искры — побрели к «Надежде».

6

...Димка догонял их сзади. Мальчику было очень весело: только что он познакомился с таким же мальчиком, как он сам. С таким же, но только появившимся почему-то из маленького розового облачка. Похоже, что мальчик еще не умел говорить — значит, он был младше. Однако, они и так провели вместе несколько хороших минут. Успели построить из песка город с туннелями и мостами. Вернее, даже целых два города: один построил он сам — он видел земные города на картинках, — а другой — странный, удивительный город, вроде бы даже и непохожий на город, — тот мальчик. Мост

между двумя городами они построили вместе. Больше ничего построить не успели, потому что мальчик вдруг вернулся в свое облако и улетел в нем куда-то. Но они, кажется, успели все-таки подружиться, и города из песка, связанные мостом, еще стоят.

Ни дядя Олег, ни дядя Андрей не видели, как они вместе играли. Другие люди в скафандрах, появившиеся из большого облака, кажется, тоже не видели. Сейчас Димка расскажет об этом дяде Олегу и дяде Андрею.

